

Цянь Тулян в своём сердце бесконечно стирал и перерисовывал, пытаясь воссоздать контур первой любви Цинь Эра, но так и не смог понять, какой же тип людей тому в действительности нравится. Ясно одно — точно не такой, как он сам. Спортсмен, который учится не слишком хорошо, ведёт себя не слишком прилежно, чья жизнь заполнена тренировками и соревнованиями, — определённо не тот, кто мог бы понравиться Цинь Эру. Развитые спортивные способности всегда были его самой гордой чертой, но впервые Цянь Тулян почувствовал неловкость и стыд за собственную грубоватость.

Перед бурной, всепоглощающей первой любовью Цинь Эра его собственные смутные, невысказанные чувства казались ничтожными. Та доброта, которую Цинь Эр проявлял к нему в течение этого месяца, вероятно, была лишь следствием его от природы доброго характера. По сравнению с тем, что он отдал своей первой любви, это и вовсе было ничем.

К соревнованиям, в которых нет преимуществ и надежды на победу, Цянь Тулян не станет готовиться. Он не желал обманывать себя, слепо бросаясь вперёд. Он хотел вовремя остановить убытки, затоптать едва тлеющий уголёк, не дав ему ни малейшего шанса разгореться в полномасштабный пожар.

Поэтому Цянь Тулян охотно согласился на приглашение мамы Юй, решительно зашёл на кухню попрощаться с Цинь Эром, поспешно собрал вещи, отказался от любезного предложения Цинь Эра отправить его на машине с Линь Янем и, накинув рюкзак, сбежал из дома Цинь Эра.

В этот момент он хотел лишь одного — быть подальше от Цинь Эра. Как можно дальше.

Когда Юй Синьнань, закончив тренировку, открыл дверь дома, Цянь Тулян сидел за обеденным столом и ужинал.

Их взгляды встретились, но на лице Юй Синьнаня не было и тени удивления. Он лишь как ни в чём не бывало подошёл к Цянь Туляну и со всей силы треснул его по плечу.

Чувства между подростками всегда просты и чисты. Никто не заикнулся о той незначительной размолвке, что случилась днём.

Физическая подготовка Цянь Туляна и впрямь была отменной — к вечеру температура у него спала. На следующее утро он проснулся без головной боли, с чистым носом, без малейших следов недавней болезни.

Цинь Эр и Цянь Тулян по-прежнему оставались соседями по парте. Каждое утро они по-прежнему сидели рядом на уроках, на каждой перемене Цянь Тулян по-прежнему наблюдал за самочувствием Цинь Эра, вовремя забирая у него iPencil, чтобы размять пальцы, и в положенное время по-прежнему откручивал крышку термоса, подавал его и вставлял трубочку.

Всё, что требовало его помощи, он делал.

Казалось, абсолютно ничего не изменилось. Цянь Тулян по-прежнему был тем самым внимательным и заботливым соседом.

Единственное изменение заключалось в том, что Цянь Тулян больше не фотографировал для Цинь Эра конспекты. Однако он по-прежнему усердно посещал каждый урок, по-прежнему старательно записывал всё по каждому предмету, даже прилежнее, чем прежде. Он хорошо помнил слова, сказанные Цинь Эром в тот полдень. Присутствие Цинь Эра стало для него своеобразным внутренним надзирателем, постоянно подстёгивающим не быть безалаберным и плывущим по течению бездельником.

Без ежевечернего обмена конспектами естественным образом прервались и их ночные беседы.

Цинь Эр часто открывал тот чат, но лишь молча смотрел на экран, так и не начав разговор.

Он понимал, что они с Цянь Туляном постепенно отдаляются. Теперь Цянь Тулян был больше похож на образцового помощника для соседа-инвалида, чем на друга Цинь Эра.

Цинь Эр не раз мысленно возвращался к событиям того дня. Сначала он думал, что Цянь Тулян всё ещё сердится из-за истории с конспектами, но, вспоминая последовавший за тем тёплый совместный сон, отвергал эту мысль. Тогда, возможно, причина была в его травме, в рассказе о первой любви. В сердце Цинь Эра шевельнулось смутное предположение, но он не решался в нём признаться даже самому себе, не говоря уже о том, чтобы спросить напрямую.

Возможно, не допытываться о причинах ухода близкого человека — это тоже форма сохранения собственного достоинства.

После того как он оказался прикован к креслу, Цинь Эр как никогда ясно осознал, сколь драгоценны те жалкие остатки самоуважения, что у него ещё остались.

К счастью, этот неловкий период продлился недолго.

Неделю спустя наступили праздничные каникулы, посвящённые Дню образования КНР.

Первая городская школа строго следовала указаниям управления образования и никогда не использовала выходные и официальные праздники для организации дополнительных занятий, даже для выпускников. Поэтому эти юноши и девушки, готовящиеся к гаокао, получили семь дней передышки в своём долгом марафоне.

Родители с обеих сторон договорились и записали Цянь Туляна и Юй Синьнаня на курсы по естественным наукам. По субботам и воскресеньям утром им предстояло заниматься по четыре часа подряд, а во время праздничных каникул занятия участились до двух раз в день.

Юй Синьнань был счастлив — Цянь Тулян снова вернулся к их неразлучному дуэту. Цинь Эр не

увёл Цянь Туляна, он по-прежнему оставался его лучшим другом.

Утром ребята ходили на курсы, днём тренировались, вечерами колесили по городу в поисках вкусной еды. Каникулы получились насыщенными.

Цянь Тулян по-прежнему часто вспоминал Цинь Эра — его красивый профиль, низкий, слегка хриловатый и такой мягкий голос, бледные тонкие запястья, слабые, скрюченные пальцы и верхнюю губу, которая при улыбке образовывала форму сердца. Цянь Тулян, конечно, понимал, почему его мысли так часто возвращались к Цинь Эру, но снова и снова заставлял себя быть рациональным, списывая всю эту тоску на естественную грусть от постепенного отдаления близкого друга.

Цинь Эр так и не написал Цянь Туляну, а у Цянь Туляна не было веской причины писать первым. Их диалог в мессенджере постепенно опустился в самый низ списка, затерявшись в уголке, который Цянь Тулян уже не видел.

Когда праздничные каникулы подходили к концу, тренер организовал встречу, вытащив из бассейна всю команду действующих пловцов, приволок в ресторан с чунцинским горячим горшком и загнал в большой приватный зал — якобы для обмена опытом между новыми и старыми членами команды.

На встрече присутствовали четыре бывших члена команды, все они в своё время добивались выдающихся результатов на соревнованиях и поступили в различные университеты благодаря своим спортивным достижениям.

Старые и новые лица. Почти двадцать человек уселись вокруг большого круглого стола, все рослые, с длинными ногами.

В центре стола булькал острый суп, наполняя зал аппетитными ароматами. Тренер то и дело подкладывал в котёл говядины, а пловцы, словно голодные волчата, сидели плечом к плечу, устремив голодные взгляды на кипящее варево.

Сказать, что это был обмен опытом, — значит погрешить против истины. Это было скорее мероприятие для знакомства. Действующие члены команды в основном уже получили приглашения от известных университетов и определились с выбором, так что старшим товарищам не было нужды давать советы по этому поводу. Они просто делились впечатлениями от студенческой жизни, изредка ностальгируя по родной школе.

Обсуждали вкусные старые забегаловки возле школы, игровые клубы рядом с тренировочной базой, ругали провальные университетские специальности. Между спортсменами всегда существует некое взаимопонимание, и, даже если раньше они не были близко знакомы, сейчас обстановка была по-домашнему тёплой и непринуждённой.

— Говорят, ты из третьего класса? — раздался слева чистый, слегка сладковатый голос.

Цянь Тулян был застенчив и весь вечер сидел, уткнувшись в тарелку, поднимая голову лишь тогда, когда разговор касался его лично. Справа к нему прилип Юй Синьнань, слева же сидела девушка, студентка третьего курса.

— А? О, да.

Рот был полон говядины, когда старшекурсница неожиданно обратилась к нему, и он лишь невнятно пробормотал в ответ. Не переставая жевать, он всё же положил палочки на край тарелки — из вежливости.

— Эй, не нервничай, просто поболтаем.

С самого начала Лин Шибэй украдкой наблюдала за этим младшим братом по команде. У него была типичная фигура пловца: широкие плечи, узкая талия, длинные конечности, крупные ладони и ступни.

Его звали «Лянцзай», и, надо признать, он и вправду был симпатичным.

Каждая черта его лица в отдельности не была выдающейся, но, собранные вместе, они создавали свежее и приятное впечатление.

Эта скрытая мужественность в юношеской внешности точно попала в цель, пробудив давно забытые девичьи чувства в сердце Лин Шибэй.

Но этот младший брат, похоже, был весьма застенчив. Он тихо сидел, не вставляя ни слова. А теперь, когда разговор наконец завязался, он явно нервничал, что Лин Шибэй находила бесконечно милым.

— Третий класс — хороший класс, я тоже когда-то там училась.

— Правда?

Цянь Тулян не владел искусством светской беседы, поэтому лишь слегка повернул голову в сторону Лин Шибэй, чтобы его ответ не прозвучал совсем уж невежливо.

— Ага, значит, ты мой прямой младший брат по школе!

Только сейчас Лин Шибэй осмелилась как следует разглядеть Цянь Туляна.

Да, чем больше смотришь, тем больше нравится.

Рассматриваемый юноша лишь кивнул, не зная, что сказать в ответ.

— Эй!

Лин Шибэй повернулась к Цянь Туляну, наклонившись ближе. Сидели они и так тесно, а теперь их руки почти соприкоснулись.

Цянь Тулян замер, не смея пошевелиться, тем более отодвинуться. Спина его полностью одеревенела.

<http://bllate.org/book/15550/1376388>